

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ШЕРСТНЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии филологического факультета
Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Российская Федерация)
mountaincrystal@mail.ru

ПЕРЕВОДНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ОРИГИНАЛА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рассматривается явление переводной множественности в контексте факторов, опосредующих появление повторных переводов. К основным из них автор относит эволюцию переводческих норм, способствующую аккумуляции традиций в литературной, культурной сферах и непосредственно в развитии переводческого мастерства, соревнование переводческих талантов, а также конъюнктурный фактор. В совокупности с установленными факторами обозначается связь между стремлением переводчиков избежать переводческих повторов и плагиата и тенденцией изменения стратегии перевода с доместицирующей на форенизирующую. На материале сравнительно-сопоставительного анализа воссоздания в переводах онимов положительно визуализируется спорная гипотеза о повторном переводе французского переводоведа А. Бермана. Даны результаты сопоставления английских топонимов и антропонимов и их русских эквивалентов, представленных в разных переводах. Показано, что инокультурные маркеры трансформированы в одном из наиболее ранних переводов в соответствии с «домашними» литературными канонами, в то время как в более позднем переводе наблюдается дуализм переводческих стратегий, а перевод, созданный в контексте изменившихся социально-культурных условий, по сравнению с его предшественниками, больше ориентирован на дух и культуру оригинала, на сохранение подлинного колорита романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина. Результаты исследования позволяют говорить, что эволюция транслатологической рецепции оригинала проходит в условиях смещения переводческой стратегии от доместикации к форенизации и способствует накоплению культурно-исторических и переводческих традиций.

Ключевые слова: переводная множественность, соревнование переводчиков, накопление традиций, гипотеза А. Бермана, доместикация, форенизация, переводческие повторы

Для ц и т и р о в а н и я : Шерстнева Е. С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 96–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.471

ВВЕДЕНИЕ

Еще в 1935 году китайский писатель, редактор, критик, эссеист и автор большого количества переводов со многих языков Лу Синь в своей статье «Multiple Retranslations are Necessary» («О необходимости множественных переводов») высказался в пользу появления множественных переводческих толкований художественных произведений. Исследователь положительно оценивает факт появления новых переводов произведения даже в том случае, если уже создан хороший перевод, объясняя это тем, что автор нового перевода может с помощью уже существующего попытаться достигнуть совершенства. Лу Синь также приводит количественные параметры, определяющие требуемое число переводов оригинала (7–8 переводов), создание которых

обусловлено непрерывным процессом развития языка [8: 71].

М. Снелл-Хорнби рассматривает художественный перевод как коммуникативный акт и говорит о том, что перевод достаточно редко может достичь стабильности, присущей оригиналу. Исследователь подчеркивает, что по прошествии времени перевод теряет свою коммуникативную функцию как литературное произведение, функционирующее в контексте постоянно сдвигающейся (shifting) культурной системы, что приводит к необходимости создания новых переводов [11: 113–114]. Мы, в свою очередь, отмечаем, что каждый новый перевод художественного произведения как бы обеспечивает культурно-историческую актуализацию оригинала, в результате чего перевод может как отражать

культурную концепцию оригинала, заданную эпохой, так и характеризовать индивидуальную концепцию переводчика¹.

Во всех гипотезах и теориях возникновения и существования феномена переводной множественности исследователи наиболее часто выделяют два основных фактора, способствующих созданию новых переводов: желание переводчика сделать перевод, который будет лучше уже существующего, перевод, в котором переводчик предложит свое понимание оригинала [10: 82], [12: 30] и постоянное изменение социального контекста, а также эволюцию переводческих норм, обуславливающих возникновение новых переводов [7: 150]. Первый фактор отражает положение о соревновании переводчиков при передаче одного и того же художественного произведения, результатом которого является переводная множественность. Второй фактор определяет эволюционный характер процесса переводческой ретрансляции оригинала, способствующий аккумуляции традиций как в литературной и культурной сферах, так и непосредственно в развитии переводческого мастерства. В данном случае уместным будет привести сравнение переводной множественности с «летописью, фиксирующей эстетическое восприятие произведения различными поколениями» [4: 42], наиболее точно характеризующее переводную множественность как эффективный инструмент исследования истории восприятия оригинала в принимающей литературно-культурной традиции. В. Д. Радчук также указывает на то, что с совершенствованием принципов перевода увеличивается степень объективности переводов и расширяются возможности переводов в связи с развитием языка и культуры людей [4: 42].

Разумеется, создание новых переводов связано также и с коммерческой сферой, поскольку предпринимателей, маркетологов и издателей интересует другой аспект литературы, результатом этого может стать появление переводной версии, мотивом к созданию которой послужило стремление издателя и переводчика сделать перевод, просто отличающийся от предыдущих версий, перевод, который будет соответствовать порой не всегда хорошему вкусу широкой читательской аудитории, перевод, который будет хорошо продаваться. Одним из отрицательных последствий такого подхода к повторному переводу, рассматриваемого в рамках заявленной проблематики статьи, можно назвать превращение перевода из хранителя и индикатора культурно-литературных традиций своей эпохи в деструктивный механизм, создающий искаженное

представление об оригинале в целом и о культурно-исторических тенденциях в литературе в период создания переводной версии в частности.

Безусловно, явление переводной множественности, как и любое другое явление лингвокультурной сферы художественного перевода, регулируется определенными законами и правилами, функционирующими в нем. Так, в соответствии с гипотезой о повторном переводе («Retranslation hypothesis»), предложенной французским переводоведом А. Берманом в 1990 году, каждый новый перевод того или иного художественного произведения все более тяготеет к исходному тексту. Данная гипотеза основана на том положении, что первые переводы художественного произведения обычно подвергаются процессу доместикации, поскольку переводчик, работая над произведением, которое еще не переводилось, стремится адаптировать его к всевозможным нормам языка перевода, а также к культурологическим особенностям принимающей литературы, чтобы интеграция перевода в принимающую культуру прошла более-менее гладко. Более поздние переводные версии, по мнению выдающегося лингвиста И. Гамбье, ориентированы на стиль и букву оригинала, в процессе их создания переводчик стремится сохранить культурные различия между исходной и принимающей культурами, к которым принадлежат оригинал и его переводная версия, с целью оттенения единственности первого [9: 414–415]. Подобные переводы могут быть охарактеризованы как форенизованные, ориентированные на источник. Так как предпочтения переводоведов и переводчиков последовательно отдаются в пользу обеих стратегий (доместикации и форенизации), сделать однозначный вывод о положительности или отрицательности процесса перехода от одной к другой при повторном переводе не представляется возможным. Однако сам автор гипотезы о повторном переводе придерживается того мнения, что перевод, отрицающий «чуждость иноязычного произведения» под предлогом «передаваемости», является плохим [6: 292]. Но в то же время А. Берман достаточно двойственно выражает свою позицию по отношению к этим двум стратегиям: так, форенизация перевода, по его мнению, может сделать переводчика предателем в его культурном пространстве или сделать переводимое произведение украденным из его родной культуры, а использованная при переводе противоположная стратегия доместикации, вполне возможно, «удовлетворит наиболее неприятную часть публики», предав при этом

само иноязычное произведение, «а с ним и самую суть перевода» [6: 291–292].

Возвращаясь к проблематике данной статьи, следует сказать, что рецепция повторных переводов является несколько иной по сравнению с восприятием первого перевода или перевода-открытия. Повторные переводы «принимаются читателями, критикой, другими переводчиками более настороженно, зачастую скептически и, как правило, критически»². В то же время переводчик, работающий над переводом художественного произведения, уже имеющего перевод, рано или поздно задается вопросом, вправе ли он заимствовать удачные творческие решения своих предшественников. Возможно ли избежать плагиата, не потеряв в качестве перевода? Дискуссия по данным вопросам не перестает быть актуальной. В. Радчук выступает за то, чтобы использовать прежние достижения переводчиков, не перечеркивая их «толмаческим оригинальничаньем» и беря все ценное из чужих переводов, чтобы как можно больше приблизиться к цели [3: 57]. Переводчик «Илиады» В. Вересаев очень метко описывает сомнения, движущие переводчиком и заставляющие его придумывать в повторном переводе новые выражения, лишь бы они отличались от уже предложенного оптимального варианта:

«Когда новый переводчик берется за перевод классического художественного произведения, то первая его забота и главнейшая тревога – как бы не оказаться в чем-нибудь похожим на кого-нибудь из предыдущих переводчиков. Какое-нибудь выражение... переданы у его предшественника как нельзя лучше и точнее. Все равно! Собственность священна. И переводчик дает свой собственный перевод, сам сознавая, что он и хуже, и дальше от подлинника. Все достижения прежних переводчиков перечеркиваются, и каждый начинает все сначала» [1: 5–6].

Такой описанный исследователем подход во все не служит цели аккумуляции и сохранения переводческих традиций, лишая переводчика возможности в полной мере воссоздать, а читателя в полной мере воспринять оригинал соответственно, в совокупности всех затраченных на работу над переводом усилий.

Мы считаем возможным говорить о том, что попытки переводчиков избежать повторов, заимствования вариантов переводческих решений, желание выработать свой индивидуальный стиль в том числе являются факторами, опосредующими постепенное движение перевода от максимально приближенного к языку и культуре адресата переводной версии к максимально приближенному к языку и культуре страны

создания оригинала, то есть от доместичированного к форенизированной. Поскольку данный подход облегчает поставленную самим переводчиком цель избежать того, чтобы его перевод был назван всего лишь версией одного из предшествующих переводов. В данном случае снова актуализируется положение о том, что переводная множественность – это результат соревнования переводческих талантов, неважно, обуславливается эта соревновательность личным выбором переводчика или же просто стремлением исключить плагиат.

С практической точки зрения следует рассмотреть, как факторы, обуславливающие создание новых переводов (соревнование переводчиков, эволюция переводческой рецепции оригинала, конъюнктурный фактор), влияют на характер переводных версий, включая степень их доместикации и форенизации.

Как известно, этническая принадлежность в большей степени прослеживается на примере имен собственных, в связи с чем важность их адекватной передачи значительно возрастает при переводе из одной культуры в другую. В данном контексте уместным будет проанализировать близость между именами собственными текста-источника и текста-переводов романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», опубликованного в 1954 году и имеющего не менее восьми русских версий, выполненных известными переводчиками и востребованных в настоящее время на российском книжном рынке. Важным будет упомянуть, что Дж. Р. Р. Толкин, являясь переводчиком и филологом, достаточно серьезно подошел к переводу своего произведения, написав для переводчиков «Guide to the names in The Lord of the Rings» («Руководство по переводу имен собственных из “Властелина колец”»). В своем руководстве Толкин подчеркнул, что следует сохранять «английскость» имен и названий, не допуская их искажения. Ниже приведем сравнительную таблицу, в которой будут отражены особенности воссоздания переводчиками имен собственных. Для этого мы возьмем три русских перевода: В. С. Муравьева, А. А. Кистяковского (1982 год), Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого (1984 год) и М. В. Каменкович, В. Каррика (1995 год). Данные переводы выбраны по той причине, что самый первый перевод З. А. Бобырь, перевод-открытие, скорее является пересказом и достаточно сильно отклоняется от оригинала и, следовательно, на его основе сделать объективных выводов о стратегии перевода имен собственных не представляется возможным. Перевод В. С. Муравьева, А. А. Кистяковского, оказавший большое влияние

на последующие переводы имен и названий романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина, представляет существенный источник для анализа переводческой концепции в заявленном аспекте исследования. Перевод Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого является достаточно популярным у русскоязычных читателей и, по мнению некоторых исследовате-

лей, создан на основе перевода З. А. Бобыр [5]. Перевод М. В. Каменкович, В. Каррика, многократно переиздававшийся, является, по мнению его создателей, наиболее полной версией романа-эпопеи на русском языке и передает оригинал по возможности точно не только по букве, но и по духу [2].

Антропонимы и топонимы в оригинале и переводах романа «Властелин колец»
Anthroponyms and toponyms in the original and translations of *The Lord of the Rings*

Дж. Р. Р. Толкин	В. С. Муравьев, А. А. Кистяковский (1982 год)	Н. В. Григорьева, В. И. Грушецкий (1984 год)	М. В. Каменкович, В. Каррик (1995 год)
Baggins	Торбинс	Сумникс	Бэггинс
Gamgee	Скромби	Гэмджи	Гэмги
Goldberry	Золотинка	Златеника	Златовика
Shadowfax	Светозар	Сполох	Скадуфакс
Strider	Бродяжник	Колоброд	Бродяга-Шире-Шаг
Treebeard	Древень	Древобород	Древобород
Wormtongue	Гнилоуст	Червослов	Червеуст
Entwash	Онтава	Энтова Купель	Энтвейя
Rivendell	Раздол	Дольн	Ривенделл
Rohan	Ристания	Рохан	Рохан
Weathertop	Заверть	Заветерь	Пасмурная Вершина, Пасмурник

Как видим из таблицы, лексика, использованная в переводе В. С. Муравьева и А. А. Кистяковского, для воссоздания имен собственных на русском языке носит былинно-архаический характер: славянское имя Светозар, античный вид спорта Ристания, устаревшая лексема Раздол, диалектизм Заверть превращают «Властелина колец» в некотором роде в славянский эпос, поскольку в переводе добавлены аллюзии на славянскую культуру, а инокультурные маркеры трансформированы в соответствии с «домашними» литературными канонами. Таким образом, В. С. Муравьев и А. А. Кистяковский репрезентируют чужой и непонятный текст в терминах принимающей культуры. Вследствие чего в данном случае мы можем говорить о доместицирующей переводческой стратегии.

В переводе Н. В. Григорьевой и В. И. Грушецкого наблюдаем такие имена собственные, как частично транслитерированная, частично переведенная по смыслу – Энтова Купель, которая, с точки зрения русского восприятия, ассоциируется с таинством, старой традицией, что определенно усиливает значение и восприятие данного названия в сознании русскоязычного читателя. В то же время имена собственные Рохан и Гэмджи появляются в результате

фонетического перевода, а вот лексемы Дольн и Сполох соотносятся с лексическими корнями слов западно- и восточнославянской групп славянской языковой ветви соответственно. Имя собственное Goldberry структурно соотносится со strawberry, gooseberry – клубника, черника, и получает перевод Златеника (ср. земляника, костяника). Если говорить об антропонимах Baggins, Strider, то в переводе они приобретают негативно-пренебрежительную коннотацию: Сумникс (корень обиходной лексемы «сумка» придает комичности и снижает значимость личности главного персонажа), вариант Колоброд придает имени сильно выраженный негативный оттенок, отсутствующий в оригинале. Таким образом, данный перевод романа может быть назван переходным вариантом в аспекте культурного освоения оригинала, поскольку в переводе имен собственных уже не делается упор на славянскую традицию, но в то же время переводчики не стремятся полностью отойти от словообразовательных норм русского языка.

В переводе М. В. Каменкович, В. Каррика, появившемся на тринадцать лет позже перевода В. С. Муравьева и А. А. Кистяковского, преимущественно используются такие переводческие решения, как транслитерация имен

собственных: Бэггинс, Гэмги, Скадуфакс, Энтвейя, Ривенделл, Рохан, то есть сохраняются привычные для носителей англоязычной культуры способы наименования и тем самым сохраняются лингвистические и культурные отличия оригинального текста. Такая переводческая стратегия относительно воссоздания имен собственных вносит вклад в сохранение национальной специфики жанра фэнтези, поскольку исключает подмену английской культуры культурными традициями русского языка. В предисловии к своему переводу М. В. Каменкович и В. Каррик следующим образом характеризуют передачу имен собственных в более ранних переводах своих коллег:

«Значение имена героев и названия мест превратились в простую игру звуков, стихи из связного текста на выдуманном языке стали благозвучной бессмыслицей... и так далее. Один переводчик обошелся с языками лучше, другой – хуже, но никто не был последовательно верен оригиналу» [2].

Из этого можно сделать вывод, что М. В. Каменкович и В. Каррик, работая над воссозданием оригинала, использовали форенизирующий подход к переводу онимов, давая варианты, соответствующие духу и культуре оригинала, подлинному колориту романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина, с целью сохранения верности оригиналу.

В целом при сравнении по определенным нами параметрам обозначенных выше переводов отмечается некоторая архаичность доместицированного перевода в исполнении В. С. Муравьева и А. А. Кистяковского, которая служит триггером для активизации других переводчиков в их стремлении представить читателям новую интерпретацию оригинала, попутно с тем, что сами авторы данного перевода позже тоже перерабатывают исходную версию, изменяя как имена собственные (имя Всеславур позже было изменено на Горислав), так и имена нарицательные. Тот факт, что данный перевод оказал значительное влияние на выбор имен собственных другими переводчиками, свидетельствует о процессе накопления переводческих традиций, а его многочисленные переиздания и доработки подтверждают мысль о том, что стремление переводчика усовершенствовать переводную версию – это одна из ключевых причин переводной множественности. В переводной версии Н. В. Григорьевой и В. И. Грушецкого налицо вступление в диалог двух культур: культуры оригинала и культуры перевода. Данный дуализм опосредует последовательное изменение в предпочтении переводчиками противоположных стратегий лингвокультурной адаптации оригинала, а именно воссоздания имен собствен-

ных в переводе. Подобная флуктуация в данном случае иллюстрирует эволюцию транслятологической рецепции оригинала. Перевод М. В. Каменкович и В. Каррика является наиболее форенизированным из трех исследованных нами переводов, и, несмотря на устойчивое подчеркивание в переводе всей инокультурности оригинала, его конечная цель, по нашему мнению, обогащение национальной литературы и культуры через контакт с иностранной. Тот факт, что перевод создавался в постсоветскую эпоху, вероятно, можно считать экстралингвистическим фактором, повлиявшим на общее направление перевода в изменившемся социально-культурном контексте. Перевод адресован современному читателю. Помимо этого, можно говорить и о соревновательном моменте, и о стремлении к развитию переводческого мастерства, поскольку переводчики открыто выражают свое отношение к переводным версиям их предшественников, всерьез подходя к процессу работы над оригиналом и консультируясь с соответствующими экспертами.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволяют говорить о том, что активное сосуществование различных переводов «Властелина колец» в русском культурном пространстве в очередной раз подтверждает наш тезис, что повторный перевод не показывает дефективность текста, а свидетельствует о его живом присутствии в культуре, является фактом соревнования переводческих талантов. Переводная множественность – это результат потребности представить текст как иную литературу, визуализировать процесс, через который литература страны оригинала предстает перед читателем как иностранная, фиксирующая лингвистические и культурные отличия оригинального текста. Повторные переводы добавляют значимости исходному тексту, свидетельствуя о неугасающем интересе к иноязычному оригиналу как читательской аудитории, так и принимающей культуры вообще. Меняющийся социальный контекст обеспечивает потребность принимающей литературы в более актуальном переводе неустаревающего оригинала; конъюнктурный компонент имеет не последнее значение в процессе появления новых переводов. На основе анализа воссоздания имен собственных в переводах романа-эпопеи нами было получено очередное подтверждение гипотезы о повторном переводе А. Бермана, заключающейся в том, что последующие переводные версии зачастую являются более концептуально

форенизированными по сравнению с их «одомашненными» предшественниками. Факторами, влияющими на данную тенденцию, предполагаем считать стремление переводчиков избежать повторов, стремление усилить лингвокультурную ценность языка оригинала и приблизить иноязычного читателя к автору. Эволюция трансля-

тологической рецепции оригинала, определяемая, среди прочего, движением маятника переводческой стратегии от доместикации к форенизации, проходит в условиях соревнования переводческих талантов и неизменно способствует аккумуляции литературных, культурных и переводческих традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шерстнева Е. С. Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода (на материале переводов романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» на английский язык): Дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2009. С. 32.

² Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода: вводная часть: Учеб. пособие. Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. С. 141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вересаев В. Предисловие переводчика // Гомер. Илиада. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1949. С. 5–9.
2. Каменкович М., Каррик В. Предисловие переводчиков // Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец: В 3 т. М.: АСТ, 2017.
3. Радчук В. Д. Гамлет или Арлекин? (О заимствовании переводческих решений) // Теория и практика перевода. 1989: Республиканский межведомственный научный сборник. Киев: Головн. изд-во изд. об-я «Выща школа», 1989. Вып. 16. С. 52–72.
4. Радчук В. Д. Перевод как отражение и эстетическая задача // Теория и практика перевода. 1986. Киев: Головн. изд-во изд. об-я «Выща школа», 1986. Вып. 13. С. 40–50.
5. Семенова Н. Г. «Властелин колец» в зеркале русских переводов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/semenova.shtml> (дата обращения 19.05.2019).
6. Bergman A. Translation and the trial of the foreign. The translation studies reader. (L. Venuti, Ed.). London: Routledge, 2000. 524 p.
7. Brownlie S. Narrative theory and retranslation theory // Across Languages and Cultures. 2006. Vol. 7 (2). P. 140–170. DOI: 10.1556/Acr.7.2006.2.1
8. Feng L. Retranslation Hypotheses revisited: A case study of two English translations of Sanguo Yanyi – the first Chinese novel // Stellenbosch Papers in Linguistics Plus. 2014. Vol. 43. P. 69–86. DOI: 10.5842/43-0-209
9. Gambier Y. La retraduction, retour et detour // Meta. 1994. Vol. 39 (3). P. 413–417.
10. Pym A. Method in translation history. Manchester: St. Jerome Publishing, 1998. 220 p.
11. Snell-Hornby M. Translation studies: An integrated approach. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. 170 p.
12. Venuti L. Retranslations: The creation of value // Bucknell Review. 2003. Vol. 47 (1). P. 25–39.

Поступила в редакцию 07.06.2019

Ekaterina S. Sherstneva, PhD in Philology, North-Eastern State University (Magadan, Russian Federation)
mountaincrystal@mail.ru

RETRANSLATION WITHIN THE EVOLUTION OF TRANSLATORS' RECEPTION OF THE ORIGINAL: CULTUROLOGICAL AND ETHICAL ASPECTS

Notion of retranslation and factors that stimulate it are viewed in the article. The major factors include the evolution of translation norms, which contributes to the accumulation of traditions in literature, culture and translational experience, competitiveness of translators, and a conformity factor. Together with the established factors, the connection between the aspiration of translators to avoid reduplications and plagiarism and the tendency to change the translation strategy from domesticating to foreignizing is indicated. The controversial Retranslation Hypothesis of a French translator Antoine Berman is positively visualized through the material of a comparative and contrastive analysis of onyms reconstruction in translations. The results of the comparison of English toponyms and anthroponyms and their Russian equivalents, presented in different translations, are given. It is shown that foreign cultural markers are transformed in one of the earliest translations in accordance with the “domestic” literary canons, while in the later translation there is a dualism of translation strategies, and the translation created within the context of the changed socio-cultural conditions, as compared to its predecessors, is more focused on the spirit and culture of the original and the preservation of the true color of the epic novel by J. R. R. Tolkien. The results of the study suggest that the evolution of the translational

reception of the original takes place in the context of a shift in the translation strategy from domestication to foreignization and contributes to the enrichment of cultural, historical and translational traditions.

Keywords: retranslation, translators' competitiveness, accumulation of traditions, Antoine Berman's hypothesis, domestication, foreignization, borrowed translation variants

Cite this article as: Sherstneva E. S. Retranslation within the evolution of translators' reception of the original: culturological and ethical aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 96–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.471

REFERENCES

1. Veresaev V. Translator's foreword. *The Iliad of Homer*. Moscow, Leningrad, 1949. P. 5–9. (In Russ.)
2. Kamenkovich M. V., Karrik V. Translators' foreword. *Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings*. In 3 vols. Moscow, 2017. (In Russ.)
3. Radchuk V. D. Hamlet or Harlequin? (On borrowings in translation). *Theory and practice of translation. 1989: Republican interdepartmental collection of research papers*. Kyiv, 1989. Issue 16. P. 52–72. (In Russ.)
4. Radchuk V. D. Translation as reflection and an esthetic task. *Theory and practice of translation. 1986*. Kyiv, 1986. Issue 13. P. 40–50. (In Russ.)
5. Semenova N. G. *The Lord of the Rings* in the mirror of Russian translations. Available at: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/semnova.shtml> (accessed 05.19.2019). (In Russ.)
6. Berman A. Translation and the trial of the foreign. *The translation studies reader*. (L. Venuti, Ed.). London: Routledge, 2000. 524 p.
7. Brownlie S. Narrative theory and retranslation theory. *Across Languages and Cultures*. 2006. Vol. 7 (2). P. 140–170. DOI: 10.1556/Acr.7.2006.2.1
8. Feng L. Retranslation Hypotheses revisited: A case study of two English translations of Sanguo Yanyi – the first Chinese novel. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 2014. Vol. 43. P. 69–86. DOI: 10.5842/43-0-209
9. Gambier Y. La retraduction, retour et detour. *Meta*. 1994. Vol. 39 (3). P. 413–417.
10. Pym A. *Method in translation history*. Manchester, 1998. 220 p.
11. Snell-Hornby M. *Translation studies: An integrated approach*. Amsterdam/Philadelphia, 1988. 170 p.
12. Venuti L. Retranslations: The creation of value. *Bucknell Review*. 2003. Vol. 47 (1). P. 25–39.

Received: 7 June, 2019